

которые все же оказываются менее востребованными в текстах политико-экономических статей по сравнению с полными эквивалентами. Довольно часто клише, особенно образные, переводятся с помощью аналога или относительного эквивалента или переводятся дословно, что позволяет сохранить образную сторону высказывания в отсутствие эквивалента в языке перевода.

Менее частотными в политико-экономических текстах англоязычных и русскоязычных газет являются случаи перевода клише описательным методом. С помощью описательного перевода часто передаются реалии и понятия исходного языка, отсутствующие в языке перевода.

Необходимо отметить, что для эволюции речевого стандарта в XXI в. особое значение имеет тот фактор, что медиальные средства ориентируются на массовую аудиторию, на создание общезначимого коммуникативного и культурного пространства. Для осуществления этой цели было необходимым, чтобы вербальная оболочка текстов прессы была доступна массовой аудитории, т.е. максимально приближена к ее речевому узусу. Сказанное сопряжено с «усреднением», «массовизацией» речевого стандарта СМИ, подбором «общедоступных», общепонятных языковых средств. Это наблюдается практически на всех уровнях языковой системы, но особенно – в лексике. Интенсивное проникновение в узус публичного общения клишированных фраз и включений имеет как позитивное, так и негативное значение. С одной стороны, это делает речь более экспрессивной и эмоционально насыщенной, благоприятствует более динамичному развитию литературной нормы. С другой стороны, стихийный приток клишированных включений, может иметь разрушительные последствия для обще-этнической коммуникации.

ЭВРИСТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ КОНЦЕПТА ИДЕНТИЧНОСТИ В ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ПОМЕСТНОГО ДВОРЯНСТВА HEURISTIC POTENTIAL CONCEPT OF IDENTITY IN STUDYING OF HISTORY OF PROVINCIAL NOBILITY

Хасянов О. Р.

HASYANOV O.R.

*УЛЬЯНОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ
THE TECHNOLOGICAL INSTITUTE-THE BRANCH OF THE ULYANOVSK STATE
ACADEMY OF AGRICULTURE*

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСУЩЕСТВЛЕНО ПРИ ФИНАНСОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ РГНФ. ГРАНТ № 10-01-21102 А/В.

In the article are analyzed various theories and approaches to identity definition. The historical inquiry of occurrence of concept identity is given, the identity levels are considered. The using possibility of concept identity in studying of history of provincial nobility of Russia in the beginning of 20 centuries is analyzed.

Бурные изменения российской действительности конца XX века, череда национальных конфликтов, всплеск национального самосознания актуализировал вопрос становления новой российской идентичности. Продолжающийся духовных кризис российского общества, отсутствие четкой идеологии и нравствен-

ных ориентиров не способствует выработке и становлению новой национальной идентичности. Данный процесс усугубляется ускоренным вхождением России в глобальный мир. Можно говорить о кризисе российской идентичности. Он находит выражение в «депрессии и апатии, бессмысленной жестокости, различных формах зависимости и беспомощности, стремлении убежать от реального мира, проявлениях избыточной властности, разных формах мистицизма, нигилизма и нарциссизма, в алкоголизме, употреблении наркотиков... Эта тенденция ведет к негативной автономии, идеологии безвременья, дезинтеграции и отсутствия жизненных планов, т. е. к потери идентичности» [3; 4].

Предметом данного исследования является кризис локальной идентичности поместного дворянства Среднего Поволжья в начале XX века, обусловленного модернизацией российского социума, то есть изменением восприятия и интерпретации реальных социальных практик представителями дворянского сословия.

В современной научной литературе теоретическая категория идентичности оформилась как одна из ключевых в трактовке социально-экономических, культурных и политических процессов. Но в то же время, необходимо отметить неоднозначность трактовки термина «идентичность» в современной науке.

Первоначально термин идентичность использовался представителями психоанализа (З. Фрейдом, Э. Эриксонем). В понимании Фрейда термин «идентификация» «бессознательный процесс подражания поведению или определенным качествам того лица, с которым индивид себя отождествляет» [6; 8]. Э. Эриксон исследовал идентичность как особый социокультурный феномен, выделив в нем такие аспекты, как чувство идентичности; процесс формирования идентичности; идентичность как конфигурация, результат этого процесса [14]. Ему же принадлежит идея кризиса идентичности. Для Эриксона, кризис идентичности непосредственным образом связан с кризисом общественного развития. Однако более влиятельными в популяризации понятия идентичности оказались И. Гофман, работавший на периферии традиции символического интеракционизма, и П. Бергер, работавший в рамках социально-конструктивистской и феноменологической традиций [7]. Бергер и Лукман отмечают, «однажды выкристаллизовавшись, она (идентичность) поддерживается, видоизменяется или даже переформируется социальными отношениями. Социальные процессы, связанные с формированием и поддержанием идентичности, детерминируются социальной структурой. И наоборот, идентичности, созданные благодаря взаимодействию организма, индивидуального сознания и социальной структуры, реагируют на данную социальную структуру, поддерживая, модифицируя или даже ее переформируя. Общества обладают историями, в процессе которых возникают специфические идентичности; но эти истории, однако, творятся людьми, наделенными специфическими идентичностями» [1; 278].

Существуют различные подходы к пониманию идентичности. Так, представители примордиализма полагают, что осознание себя в качестве члена группы генетически заложено у каждого и является следствием предрасположенности человека к родственному отбору и общности территории, а представители инструментализма считают, что идентичность построена на этнических ценностных константах, а также общности потребностей и интересов [10]. Не все аспекты идентичности можно объяснить на принципах классической науки. Вследствие этого проблема конструирования и теоретического анализа идентичности

проводится в рамках конструктивизма.

Теория идентичности получает особое распространение в контексте междисциплинарного дискурса. Привлекая к решению поставленных задач методы и потенциал различных социогуманитарных дисциплин: философии, культурологии, социологии и политологии, психологии, антропологии, можем исследовать механизмы сословной идентификации в начале XX века.

Процесс построения идентичности сложен и многомерен. Важное место в изучение самости этноса, социума, сословия отводится элитам, как основным носителям культурной и политической идентичности общества. В этом ключе изучение истории российского, в особенности, поместного дворянства приобретает особую значимость. Ретроспективное воспроизведение идентификаций властной элиты, изучение механизмов трансформации категорий самости и реальных социальных практик в период масштабных изменений могут быть учтены при изучении становления новой российской идентичности. Конечно, можно возразить, отметив, что не все дворянство входило в состав властных институтов и не все представители сословия могли оказывать давление на носителей власти. Как отмечают многие исследователи, именно представители дворянства составляли элиту дореволюционной России. Данный тезис опирается на то, что, по жалованной грамоте дворянству Екатерины II, сословие имело исключительные права на создание корпоративных организаций в границах губерний и уездов, право обращения императору, минуя все инстанции, также дворянство в отличие от иных сословий империи было более вестернизировано. Со времен Петра Великого представители дворянства получали европейское образование, и в своей деятельности опиралась на европейскую культурную традицию.

Потенциал концепции идентичности активизируется в эпоху модерна. Это связано с тем, что быстро изменяющееся общество остро ставит перед личностью вопрос о самоопределении. Идея непрерывного прогресса приводит к кризису идентификационных категорий индивида и социальных групп: настоящее слишком быстро становится прошлым, а будущее быстрыми темпами растворяется в настоящем [11]. В начале XX в. российское общество испытывает на себе последствия модернизации в различных сферах. Это и формирование новой буржуазии, банковского капитала и самое главное, трансформация «незыблемого» самодержавия в парламентскую монархию. Все это не могло не сказаться на идентичности социальных групп Российской империи начала XX в. Российское дворянство наиболее болезненно воспринимала последствия модернизации. Неспособность сословия справиться с реалиями новой эпохи кроется в ценностях и установках сословия. Идентичность предполагает осознание человеком своей принадлежности к какой-либо социальной группе, общности, позволяющее ему определить свое место в данном социокультурном пространстве, либо как самостоятельность социокультурного образования [11; 171]. Размыwanie границ категории самости и приводит к кризису идентичности.

Процесс формирования идентичности непосредственно связан с социализацией, через усвоение норм, традиций, вкусов и т.д. В этом ключе концепция идентичности открывает перед исследователями новые возможности. При вхождении личности в группу благодаря идентификации, происходит осмысленное принятие и усвоение существующих там норм и ценностей от значимых других, а также отождествление себя с ними [10]. По отношению к истории провинциального дворянства в инновационном разрезе можно исследовать вопросы об-

разования и воспитания дворянского юношества в семье, закрытых сословных учреждениях, а также в бессословных образовательных учреждениях.

Проблема идентичности активизируется в период столкновения с другими культурами, группами, ценностями. Начало XX века в России было бурным. Дворянство теряло прежние высоты в обществе, представители сословия сами остро ставили вопрос «кто мы?». Это связано с быстрым процессом становления нового классового общества эпохи модерна и размытием прежних, сословных границ. Формировались маргинальные группы из представителей различных сословий, дворянство не было исключением. Представители сословия пополняли ряды как буржуазии, так и деклассированных элементов. В конце XIX века князь К.А. Левин отмечал: «Линия дворянского сословия необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия Престола, а другим – почти в крестьянстве теряется». Шло разрушение традиционной шкалы ценностей, норм и представлений. Как отмечает Шаров А.В., «изменение и разрушение идентичности происходит, как правило, в тех случаях, когда «свое» приобретает в глазах людей отрицательные черты, перестает отвечать текущим потребностям, изменившейся ситуации» [13; 171]. В период масштабных изменений люди испытывают чувство растерянности и тревоги, лишения надежных ориентиров, а историческая память не способствует адекватной интерпретации реальных событий.

Кризис идентичности дворянства в начале XX в. связывается с конфликтом воображаемой социальной роли и роли реальной выполняемой сословием в обществе. Так, Смит определяет идентичность через набор символов, ценностей, воспоминаний, мифов. Это составляющая коллективной идентичности, т.е. чувство сопричастности к определенной социальной группе. Решающая роль в конституировании коллективной идентичности принадлежит памяти о центральных событиях прошлого, победах и поражениях [8]. Репина Л.П. отмечает, что «именно мифы коллективной памяти, поддерживающие претензии группы на высокий статус, на материальные, территориальные, политические и любые иные преимущества в настоящем, базируются на стереотипизации и нетерпимы к каким-либо альтернативам и, тем более, к плюрализму мнений» [8]. Так, В. Хёсле отмечает, что «память института конституируется его мифическими и историческими традициями; значимость последних распространяется не только на прошлое, но и на будущее» [12; 112]. В свою очередь, кризис идентичности – это «уменьшение идентификации индивидов с коллективной реальностью, которую они прежде поддерживали» [12; 112]. Данный кризис находит свое выражение в «отрицание символов, распаде коллективной памяти, представленной традициями, а также утраты веры в общее будущее, дисгармонию между описательным и нормативным образами себя, прерывность в истории, несоответствие между представлением культуры о самой себе и ее образами в других культурах, наконец, чувство неполноценности относительно более совершенной культуры» [12; 114].

В теоретическом отношении в системе идентичностей можем выделять разные уровни, которые находятся во взаимосвязи. Идентичность может быть индивидуальной и групповой. Групповая (социальная, коллективная) идентичность обладает разными уровнями. Она может быть национальной, локальной (региональная), сословной, профессиональной. Как отмечают многие исследователи, социальная идентичность предполагает, что индивид помещен в пространство межгрупповых отношений. В свою очередь, «социальные группы, общности не только носители придаваемой реальности и своим поступкам смыслов,

но и деятели, воспроизводящие в повседневной практике те или иные способы мировосприятия и поведения» [4; 14]. Рассматривая идентичность социальных групп российского общества в начале XX века, в частности, гражданскую идентичность, можем относить только к представителям дворянского сословия, т.к. только они были носителями идей гражданственности и государственности. Данный тезис находит свое видимое выражение в идеи бескорыстного служения государству и ответственности за представителей иных сословий перед властью, в особенности за крестьянство.

Разные уровни идентичности открывают перед исследователями различные направления для научных изысканий. Эвристическим потенциалом обладает категория локальной идентичности. Под ней мы понимаем сложное социокультурное и социально-психологическое явление, формирование которого происходит под влиянием разнообразных факторов, важнейшим из которых являются представления о современном состоянии локального сообщества с которым человек себя отождествляет [9; 159]. Локальная идентичность базируется на общей истории, культурных ценностях, экономическом потенциале региона, его роли в общегосударственном историческом процессе [2]. Актуальность исследования локальной идентичности обуславливается тем, что «люди значительно чаще отмечают свою принадлежность к «малой родине», чем к «большой», то есть, в определенной степени идентифицируются скорее с локальным сообществом, чем с социетальной общностью» [5; 277]. Именно на основе региональной идентичности можно реконструировать ценности, идеалы, творческий капитал локальной элиты.

Таким образом, мы видим, что потенциал концепта идентичности в полной мере еще не востребован исторической наукой. Основные изыскания в рамках концепции идентичности проводятся в рамках психологии, социологии, политологии. Обращение к данной проблеме в исследовании истории провинциального дворянства является актуальным, т.к. может по-новому осветить историю сословия и выработать новые подходы к конструированию новой российской идентичности.

Литература:

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. - М.: "Медиум", 1995. – С. 278.
2. Галактионова Н.А. Особенности современного процесса регионализации и формирование региональной идентичности // Регионология. 2010. № 2.
3. Заковортная М.В. Идентичность человека. М, 2004
4. Климова С.Г. Стереотипы повседневности в определении «своих» и «чужих» // Социологические исследования. 2000. № 12. С. 13-22.
5. Корепанов Г.С. Региональная идентичность: социокультурный и социально-экономический подходы // Провинция и столица. 2008. №. 11. С. 277.
6. Лескова И.В. Социальная идентичность в условиях трансформации российского общества. Автореферат дис. доктора соц. наук. – М., 2008. – С. 8.
7. Миненков Г. Концепт идентичности: перспективы определения // <http://belintellectuals.eu/publications/174/>
8. Репина Л.П. Исторические мифы и национальная идентичность: к методологии исследования // <http://www.newlocalhistory.com/work/pyatigorsk2008/repina.php>

9. Савоскул С.С. Местное самосознание в современной России (по материалам Переславля-Залесского) // Отечественная история. 2006. № 4. С. 159.
10. Спирина Е.А. Культурная идентичность: сущность, структура, типология // <http://www.elcom.ru/~human/2008ns/22sea.htm>
11. Тоффлер Э. Шок будущего. – М., 2002.
12. Хёсле В. Кризис индивидуальной и коллективной идентичности // Вопросы философии. 1994. №10. С. 112—123.
13. Шаров А.В. Взаимодействие культур и проблема идентичности // Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.) – С. 171.
14. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.

УДК 336(075.32)

НАУЧНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ SCIENTIFIC APPROACHES TO THE STUDY OF SOCIAL INFRASTRUCTURE

Холопова Ю.С.

Khopolova Y.S.

*ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ – ФИЛИАЛ ФГОУ ВПО «УЛЬЯНОВСКАЯ
ГОСУДАРСТВЕННАЯ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ АКАДЕМИЯ»*

*THE TECHNOLOGICAL INSTITUTE-THE BRANCH OF THE ULYANOVSK STATE
ACADEMY OF AGRICULTURE.*

The paper examines existing research approaches to examining the nature and the study of social infrastructure, namely the material and the real concept, task, industry and activity-quot approaches.

На современном этапе экономического развития конечные результаты функционирования производства, уровень жизни населения все в большей степени зависят не только от эффективности работы непосредственно предприятий и организаций сферы материального производства, но и от степени развития инфраструктуры.

Слово инфраструктура имеет латинское происхождение (infra – под, внизу и structura – строение, постройка). Сам термин «инфраструктура» заимствован из военного лексикона. Изначально он был предназначен для обозначения комплекса вспомогательных служб, которые обеспечивали функционирование подразделений вооруженных сил.

Термин «инфраструктура» закрепился в экономической литературе сравнительно поздно, но это вовсе не означает, что проблемы анализа сущности и развития инфраструктуры не рассматривались экономистами. Еще К. Маркс, анализируя сферу производства, указывал на значимость инфраструктуры. Он отмечал, что «...кроме тех вещей, посредством которых труд воздействует на предмет труда и которые поэтому так или иначе служат проводниками его деятельности, в более широком смысле к средствам процесса труда относятся все материальные усло-